

Оглавление

Предисловие.....	5
Три революции и контрреволюция	10
1. Рождение России	10
2. Культурная (антинациональная) революция Петра I.....	11
3. Классовая (антисоциальная) революция Ленина.....	18
4. Криминальная (антигосударственная) революция Ельцина	27
5. Эволюционная контрреволюция Путина	35
Февраль великого перелома.....	49
1. От декабря к февралю	49
2. Сослагательное наклонение истории.....	54
3. «Кругом измена, трусость и обман».....	56
4. Столетний рубеж	62
Искушение Анны Ахматовой.....	63
Деревянный Христос Бориса Пильняка.....	71
1. «Россия. Революция. Метель».....	71
2. Юродивые	74
Мифы Михаила Булгакова.....	82
1. Миф о тряпке	83
1.1. «Нужно драться».....	83
1.2. Победённый	93
2. Миф об антихристе	100
2.1. «Белый буран».....	100
2.2. «Чёрный туман»	109
Юнкера Александра Галича.....	120
1. Александр Вертинский	120

2. Александр Галич и Борис Пастернак	123
3. Заключение	145
Ленин как царубийца.....	147
1. «Коронованный разбойник, достойный казни».....	148
2. Миф первый. Казнь Императорской семьи — самостоятельное решение Уралсовета	151
3. Миф второй. У Ленина не было времени, чтобы приостановить казнь	160
4. Миф третий. Ленин не причастен к убийству Императрицы, детей и лиц свиты	164
5. Миф четвёртый. Ленин хотел выставить Императорскую семью на торги с Западом.....	170
6. Миф пятый. Ленин добивался всенародного суда над Николаем II	174
7. Заключение	184
Памятники и люди	190
1. «Монументальная пропаганда». Ленин.....	191
2. «Eхегі monumentum. . .». Пушкин	195
3. «Не ставить надо мною никакого памятника». Гоголь и Пушкин	198
4. Породнившиеся гусары. Пушкин и Гоголь.....	206
4. «Век шествует путём своим железным. . .». Боратынский	212
5. «От благодарных бесов». Достоевский	222
6. «Смелая девица». Лев Толстой	238
8. Заключение	262
«Чувство всемирного катастрофизма» Александра Солженицына	263
1. «Не согнуты ваши плечи»	263
2. «Горизонт огляда и вертикаль мысли».....	267
3. «Опыт художественного исследования».....	270
4. «Число истины».....	274

Предисловие

Гримасы, которые могут исказить человеческое лицо, многообразны. Разнообразны и «гримасы», уродующие социальную действительность. Русская революция продемонстрировала это в полной мере. Поэтому эссе, очерки, исследования, собранные в этой книге, посвящены самым разным темам. Однако через все проходит объединяющий сюжет — **борьба Революции с Россией**.

Термин «революция» я употребляю расширительно: под ним понимается **глобальная ломка традиционных основ человеческого бытия**, охватывающая не только социальную плоскость, но и духовные, культурные, национальные сферы жизни людей. Перемещению Духа Революции из одной сферы в другую посвящён очерк «Три революции и контрреволюция Путина».

Культурная революция XVII–XVIII веков, произведённая Петром Первым, имела как **антидуховный характер** (понижение роли Православия и Церкви в жизни страны), так и **антинациональный** (насаждение западноевропейской культуры). Одним из следствий петровских преобразований стало коренное разделение сословий, которое привело к **исчезновению национальной солидарности**. Разобщённостью сословий в Российской империи воспользовались революционеры всех мастей. На протяжении нескольких десятилетий они натравливали одну часть народа на другую, умело разжигая социальные страсти. Этот процесс завершился тем, что большевики, ведомые Лениным, захватили власть и погрузили страну в пучину Гражданской войны. Выиграв её, они завершили свою Классовую — антисоциальную — революцию: традиционные сословия были либо иерархически перегруппированы, либо вовсе уничтожены.

Советское государство, созданное по схемам западных теоретиков (Маркс — Энгельс), оказалось искусственным построением, неспособным развиваться естественным путём. Большевицкий плод прожил нормальный для одного субъекта срок — около 70 лет. Дальше его ждала смерть.

Именно в этот момент — в конце двадцатого века — **Дух Революции перемещается в другую сферу. Криминальная революция Ельцина обрушивает всю свою разрушительную мощь на российскую государственность как таковую.** Один из первых шагов революционеров третьей волны — развал СССР (территориально сопоставимого с Российской империей). На очереди стоял развал Российской Федерации. По замыслу творцов Криминальной революции раздробленные части России должны были оказаться во власти отдельных криминальных личностей и их группировок. Устанавливалось *«самовластие человеческого “я”, возведённое в политическое и общественное право»* (Ф. И. Тютчев).

Таким образом, Культурная революция Петра Первого, Классовая — Ленина и Криминальная — Ельцина рассматриваются мной как **три последовательных этапа борьбы Революции с Россией.**

В четвёртой части очерка прослеживается идейный путь **президента В. В. Путина:** от первого телеинтервью до внесения поправок в Конституцию. Путь этот представляется **последовательно контрреволюционным: ликвидирующим разрушительные результаты прежних революций и создающим условия для естественного, эволюционного развития страны.**

Если в первом очерке даётся довольно широкий временной охват, то в следующем — «Февраль великого перелома» — внимание фокусируется на одном, много определившем в истории России моменте — Февральской революции. Её значение заключается в том, что она, с одной стороны, является логическим завершением всего революционного развития России девятнадцатого века, а с другой — **распахивает двери революциям века двадцатого.**

Ряд эссе и очерков, помещённых здесь, примыкают к моей книге «Загадки и отгадки русской литературы» — и по тематике, и по подходу, который я называю **метафизическим прочтением** русской литературы. В наибольшей степени это относится к работе «Мифы Михаила Булгакова», а также к эссе «Искушение Анны Ахматовой» и очерку «Деревянный Христос Бориса Пильняка». **Если в «Загадках» говорилось о пророчествах, то писатели революционной поры увидели гримасы бесов своими глазами.**

Революционная тема вполне вписывает эссе «Юнкера Александра Галича» в «Гримасы», хотя метафизическое прочтение заменено здесь **литературоведческим и нравственным подходом** к разбираемой теме. Я попытался рассмотреть одно и то же явление — антибольшевицкое движение русского юношества — увиденное глазами трёх различных людей: Вертинского, Пастернака, Галича.

В очерке «Ленин как царевубийца», напротив, отсутствует литературный материал. Это — род юридического расследования. Историческое пространство здесь ещё в большей степени сужается, и высвечивается лишь один фрагмент «большой» революции: **екатеринбургское злодеяние**. Однако именно это событие во многом определяют нравственное лицо ленинской революции, искажённое одной из самых жутких своих гримас. Вопрос о роли самого Ленина в царевубийстве играет ключевую роль. Одно дело, если речь идёт об «уральской пугачёвщине», с которой просто не смог справиться большевицкий центр. И совсем другое, если **царевубийство было тщательно скрываемым воплощением в жизнь хладнокровного и расчётливого замысла творца Октябрьской революции**. Я старался добросовестно собрать и беспристрастно проанализировать весь материал, относящийся к данному вопросу, разобрать аргументы сторонников «невинности» Ленина. Результат: **все факты говорят о том, что вождь большевиков в течение не менее пятнадцати лет вынашивал идею царевубийства, а потом и руководил её реализацией**. Не хватает разве что собственноручного признания Ленина: я убил. Не хватает потому, что **революция вынуждена всегда скрывать свою античеловеческую сущность**. В книге «Загадки и отгадки русской литературы» (особенно в главах о Чернышевском и Достоевском) я рассматривал **одно из главных свойств бесов, в том числе и революционных, — постоянный обман, сокрытие своего истинного лица под разными масками**. В очерке о Ленине я попытался обнажить в реальной революционной практике то, о чём задолго до большевиков говорила русская литература. **В деле о царевубийстве, в силу его политической и нравственной значимости, Ленину пришлось использовать весь бесовский арсенал**: то прятаться под маской «своевольного Уралсовета», то привлекать подставных лиц, то открыто лгать и заставлять лгать своих подчинённых.

Очерк «Памятники и люди» посвящён двум темам. Одна из них — **послереволюционные судьбы некоторых потомков русских писателей** (Пушкина, Гоголя, Боратынского, Достоевского, Льва Толстого) **и художников** (Крамского, Репина). Эти судьбы — исковерканные и переломанные — зеркало, в котором отразилась вся трагедия русского общества в коммунистическую эпоху. Большевикам важно было уничтожить и материальную оболочку прежней культуры, и тех, кто являлся хранителем этой культуры.

Другая тема очерка — **ленинский план «монументальной пропаганды»**. Революция сокрушала памятники прежние и возводила новые. Вся эта кампания представляла собой некую бесовскую комедию со сменой обличей и местоположений, подменной, кощунством, кривляньем, разнообразными гримасами.

Если «ленинский» очерк представляет собой юридическое расследование, то следующий — «Чувство всемирного катастрофизма» — больше напоминает литературоведческое исследование. Александр Исаевич Солженицын — единственный писатель, сумевший в своих произведениях **постичь и раскрыть суть коммунистического режима в России**. Это и связывает творчество Солженицына со стержневой темой данной книги.

В «Одном дне Ивана Денисовича» советский интеллигент Цезарь Маркович в споре о режиссёре Эйзенштейне заявляет: *«Искусство — это не что, а как»*. В моём же понимании, **искусство — это «что» — суть сказанного, которая постигается исключительно через «как» — как сказано**. Поэтому я и сосредоточил внимание **на художественной стороне творчества Солженицына, в частности — на жанровом поиске**. Использование разных жанровых форм и создание новых (**как** сказано) стало одной из важнейших предпосылок того, что Солженицыну всем его творчеством **удалось создать трагическую эпопею русской народной жизни XX века (что** сказано).

Гримаса — это искажение лица, связанное с проявлением какого-либо чувства. Революция и сама есть искажение всех основ бытия, нормального человеческого существования.

Гримаса — это искажение лица, связанное с проявлением какого-либо чувства. Революция и сама есть искажение

всех основ бытия, нормального человеческого существования. Grimасы революции — это маски, которые она постоянно меняет. Grimасами искажается и лицо народа, на который обрушилась Революция. В двадцатом веке чаще всего появлялись **grimасы ненависти и обмана — на лице Революции, grimасы ужаса и страдания — на лице России.**

2023, февраль

Три революции и контрреволюция

Нам никуда не деться от того факта, что в последний период мировой истории революция стала явлением «векообразующим». Поэтому отношение к революции, понимание её охватывает все главнейшие проблемы бытия как в физическом, так и в метафизическом аспектах.

1. Рождение России

В. М. Васнецов Крещение Руси

Рождением «исторической России» (духовной и физической общности, существующей по сей день) было Крещение Руси равноапостольным князем Владимиром. В большинстве других стран становление христианства шло эволюционно: маленькие общины из катакомб постепенно выходили за их пределы и постепенно распространяли своё влияние на остальной мир. Русь же в самый момент погружения в Днепр стала новым государственно-религиозным образованием, принципиально отличным от существовавшего прежде. Коренным образом изменилось не только религиозно-духовное состояние народа, но вся его общественная, политическая, хозяйственная и культурная жизнь.

Христианство не вызрело в русском народе, а было привнесено сверху. При всём этом Крещение Руси не стало «религиозной революцией»: речь шла не о ломке прежнего, а о рождении нового. Русь существовала и до Крещения. Отдельные клетки тоже пребывают в природе до рождения человека. Но живой организм начинает развиваться только в момент их слияния. Так и «историческая Россия» была зачата в момент оплодотворения языческой Руси христианством. **Довладимирская Русь была не разрушена, а оплодотворена.** Об органичности процесса говорит хотя бы то, как быстро, мощно и почти безболезненно Православие наполнило собой все сферы жизни Древней Руси.

Дальнейшее эволюционное развитие России на протяжении почти семи веков осложнялось и тормозилось разномасштабными внутренними и внешними усобицами, но в целом оставалось в том русле, которое определил выбор 988 года. И лишь в конце XVII века грянула первая революция.

2. Культурная (антинациональная) революция Петра I

Россия всегда была отделена от остальной Европы в силу своего географического, исторического и религиозного своеобразия. Запад представлял собой, с одной стороны, военную опасность (германцы, шведы, поляки), с другой — опасность духовного плана, так как Россия после падения Константинополя осознавала себя хранительницей истинной веры — Православия. Однако Европа для России не только таила угрозу, но и была искушением, запретным плодом, который хотелось вкусить.

В. А. Серов Пётр I

Это «вкусение» пришло «сверху», а не «снизу». Русский народ в своём большинстве имел слабое представление о Европе. Для русского человека европеец был «немцем», то есть немым, тем, кого нельзя понять. Зато с европейской жизнью ещё юношей тесно соприкоснулся будущий властитель России. Испытывая унижения и притеснения после смерти отца, Пётр Алексеевич возненавидел ту обстановку, быт, культуру, среди которой рос. Антитезой этой жизни представлялась другая, которую Пётр видел в Немецкой слободе, на Кукуе. Так и возник искус преобразовать «тёмную» Россию в один большой Кукуй.

«Поймите же и то, что Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европою; что история её требует другой мысли, другой формулы...», — много позже писал Пушкин. Пётр думал по-иному.

Замысел, рождённый в его «математической голове», вскоре реализовался. Получив власть в государстве, царь произвёл Культурную революцию — *«отдал всё в обмен на новый лад — и нравы, и язык, и старину святую»*. «Реформы» сотрясли бытие русского народа во всех его проявлениях. Но главное состояло в том, что революция задела определяющую, жизненно

важную область: Пётр решительно свернул с того пути, который выбрал ещё святой Владимир. Религия и Церковь, являвшиеся ранее образующим началом существования народа, были резко отстранены от самостоятельного участия в государственной, общественной, культурной и хозяйственной жизни.

При этом не произошло и не могло произойти рождения «новой России», как при князе Владимире. Во-первых, русский народ уже давно не был аморфной предысторической субстанцией: он представлял собой живую национально-религиозную общность. Во-вторых, любая революция не содержит в себе главного элемента, необходимого для «зачатия», — положительной духовно-религиозной составляющей. Революция — *«отнюдь не душа, порождающая движение...»* (Тютчев).

Напротив того, революция Петра заключала в себе нечто прямо противоположное христианской духовности. Недаром символическим началом этой эпохи стали «всепеньейшие соборы» — пародийная антитеза Соборам церковным, а самого Петра народ почитал Антихристом. Тот же Тютчев именно антихристианское начало выделял как движущую силу любой революции:

«Революция же прежде всего — враг Христианства! Антихристианский дух есть душа Революции, её существенное, отличительное свойство¹. Её последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления — всё это частности и случайные подробности. А оживляет её именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром».

Пётр провёл почти физическую операцию на живом организме: России был пересажен чужой «гипофиз» (если использовать булгаковский образ). Результатом этой операции (как и любой революции) стало искусственное, неорганическое образование, в котором механически соединялись разнородные начала.

Сама операция проходила крайне тяжело и имела весьма серьёзные последствия. Поскольку у Петровской революции не было духовной почвы, то вся новая страна, как и её новая столица,

¹ Во всей книге выделения полужирным в цитатах сделаны мной. — Г. А.

оказались построенными на болоте (в прямом и переносном значении). Или над бездной. Обращаясь к Петру, Пушкин вопрошал:

*Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

А. Н. Бенуа «В Немецкой слободе»

Во-первых, пребывание на краю бездны трагическим образом отразилось на мироощущении личности. Образованный на западный манер русский человек XIX века осознал себя «дубовым листком», оторвавшимся «от ветки родимой» (Лермонтов), беспрестанно искал по всему «свету, где оскорблённому есть чувству уголок» (Грибоедов), тщетно призывал вернуться к «почве» (Достоевский).

Во-вторых, для общества последствия Культурной революции оказались не менее трагическими, нежели для отдельной личности. Сословные различия в человеческом мире были и будут всегда. Но далеко не всегда они доходят до антагонизма. Существовали эти различия и в допетровскую эпоху. Однако они имели, главным образом, иерархическую и имущественную

(выражавшуюся в количественном измерении) основу. Однако действовали и мощнейшие объединяющие факторы: национальное самоотождествление, единая религия, язык, культурные корни, даже, в определенной степени, быт. В материальной сфере началом, связующим разные сословия, являлся общий предмет интереса в области хозяйственной деятельности — земля. От того, как она обрабатывается, зависело благосостояние большинства сословий и социальных групп. Таким образом, **духовно-религиозная, культурно-языковая, бытовая и хозяйственная общность интересов создавали естественную почву для национальной солидарности.** Конечно, речь не идёт о некоей «социальной идиллии»: её не было нигде и никогда. Важно другое: в допетровской Руси существовали крепкие внутринациональные связи между разными группами населения.

Эти связующие нити и надорвала, если не уничтожила вовсе Петровская революция. **Эксперимент по пересадке «гипофиза» был произведён не над всем народом, а над его «верхушечной» частью — боярством и дворянством.** Именно в этой среде насильственно насаждались западный строй мысли, культура, быт. Таким образом, господствующий слой оказался оторванным от крестьянства, духовенства в духовно-религиозном, культурно-языковом и бытовом планах. Купечество, мещанство «зависли» между теми и другими. Связующая точка между помещиками и крестьянами исчезла и в сфере хозяйствования. Земля и крестьяне, её обрабатывавшие, уже мало заботили дворян, выдернутых из поместий и поселённых в города. У них теперь был другой предмет интереса — деньги.

Итак, **коренное разделение сословий при Петре привело к исчезновению национальной солидарности.** Одни социальные группы перестали видеть в других своих соплеменников (*«Воскреснем ли когда от чужевластья мод, — говорит Чацкий у Грибоедова, — чтоб умный, бодрый наш народ хотя по языку нас не считал за немцев»*). Национальная солидарность, начиная с Петровской эпохи и до нашего времени, проявлялась только во время больших войн, угрожавших национальной независимости, самому существованию Российского государства.

Укрепление государства, отстраивание России как мощной евразийской державы было чуть ли не единственным органическим, традиционным процессом, проистекавшим в петровское и послепетровское время. В основе государственного строительства

русского народа всегда лежало христианское понимание государства как «удерживающего» начала в земном мире. Поэтому **держава воспринималась не только как физическая, но и как духовная сущность**. Не случайно в создании Великой России непосредственно участвовали многие наши святые. Для русского человека было характерно *«сознание какой-то таинственной связи между Святой Русью и Великой Россией»* (Н. П. Ильин). **Из сознания Петра «Святая Русь» выпала. «Великая Россия» осталась. Именно благодаря её укреплению XVIII век вписал себя в русскую традицию.**

Портрет старца Серафима.
Издание Саровской пустыни
(1863)

И. Л. Линёв Последний
прижизненный портрет Пушкина
(1836)

В остальном же всё восемнадцатое столетие ушло на «перебаливание» России после петровской операции. Национальный организм находился в «разобранном» состоянии. Везде ощущалось отсутствие «почвы», традиционных форм, в рамках которых могла бы протекать нормальная жизнь. Новая культура, например, строилась в условиях отсутствия главного орудия этого строительства — общенационального языка. Новое государство создавалось в условиях почти комедийной чехарды на троне. Новая система хозяйствования искажалась непониманием со стороны большей части народа сути этой системы и её целей.

Действительно, понять было трудно, так как огромная часть национального достояния уходила на удовлетворение «барских прихотей». Барству же, в большинстве своем не имевшему высших духовных идеалов, было незнакомо самоограничение.

XVIII век ясно показал, что плод, порождённый Петровской революцией (как и любой революционный плод), оказался мёртвым. Пушкин, первым увидевший в Петре революционера вселенского масштаба, констатировал:

«Средства, которыми достигается революция, недостаточны для её закрепления. — Пётр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)».

Только к XIX веку начался восстановительный процесс. Он шёл по многим направлениям, но главным из них было духовно-культурное. Символом религиозного возрождения стало явление преподобного Серафима, культурного — Пушкина. Не буду долго останавливаться на этих фигурах, но именно благодаря им (и продолжателям их традиций) русское национальное самосознание стало брать реванш у Петровской революции. **Однако самой главной, может быть, бедой явилось то, что эти две линии не смогли (или не успели) соединиться: в послепетровской России культура церковная и культура светская существовали обособленно, редко пересекаясь друг с другом. Наверное, поэтому русский XIX век, достигнув величайших духовно-культурных пиков на уровне отдельных личностей, не смог преобразовать общество и государство в целом, вернуть их на естественный путь развития.**

Обособленность, расчленённость наблюдалась во всём. Интеллектуальная жизнь XIX века во многом определялась болезненной реакцией на Петровскую революцию. Русская мысль раскололась на «западническую» и «славянофильскую». Этот раскол вовсе не ограничивался довольно узкими группировками западников и славянофилов: он прошёл через всё мыслящее общество, а иногда (как, например, у Чаадаева) рассекал даже внутренний мир одного человека.

И сословное разъединение существенным образом раскалывало Россию. В ответ на споры о том, где больше истины, в интеллигенции либо в простом народе, Достоевский указывал на расчленённый человеческий организм и задавал вопрос: где больше жизни, в туловище или в отрезанной от него голове? Он безуспешно пытался внедрить в общественное сознание мысль

о жизненно важной необходимости соединения головы нации с её туловищем, об обретении единой национальной почвы. Призыв не был услышан.

3. Классовая (антисоциальная) революция Ленина

В. И. Ленин на броневике. Кадр из фильма «Октябрь» (1927)

Отсутствие национальной солидарности, которая всегда смягчает сословные различия, приводило ко всё большему их обострению. Поэтому социальные вопросы выдвигались на первый план народного бытия и фетишизировались, заслоняя собой все иные. Следует иметь в виду и то, что духовное начало в народе было крайне ослаблено искусственным отделением Церкви от жизни государства и общества. Значительную роль играл и пример Запада, который, начиная с XVII века, в основу своего развития положил материальные приоритеты. Так была

подготовлена почва для новой — классовой — революции.

Здесь мы сталкиваемся с одним из самых существенных свойств революции: **мистической способностью сбрасывать старые, отработанные личины и надевать новые.** Я уже приводил высказывание Тютчева об умении революции обретать всё новые формы и лозунги, сохраняя антихристианский дух. Тот же автор писал:

«...Революция — не только враг, одетый в плоть и в кровь. Это больше, нежели Принцип. Это Дух, Разум...»

Если, согласно Писанию, Дух Святой дышит, где хочет, то естественно отнести это и к Духу, противоположному по

метафизической сути. Дух революции тоже может легко перемещаться из одной сферы в другую, изменять внешние формы.

В России начала двадцатого века Дух разрушения переместился из национальной области в социальную. Сословия, и ранее разобщенные, были либо иерархически перегруппированы Классовой революцией, либо вовсе уничтожены. Повальному физическому истреблению подверглись прежде всего те, которые имели наиболее глубокие корни, традиции: дворянство, духовенство, купечество, зажиточная часть крестьянства.

Пролетариат же, объявленный «классом-гегемоном», не представлял собой никакой реальности в общественном смысле: ни материальной (около 15 % населения), ни духовно-культурной (по отсутствию этих начал). Пролетариат для Классовой революции являлся только символом окончательного разрушения прежней России, так как был социальной группой, максимально оторванной от национальной почвы, утратившей большинство прежних традиций и не успевшей выработать новых. *«Рабочие не имеют отечества»*, — записано в «Манифесте коммунистической партии» Маркса и Энгельса, это утверждение не уставал повторять вождь русской революции Ленин.

Второй классовой составляющей революции стало «беднейшее крестьянство», то есть та часть селян, которая в силу объективных или субъективных причин не могла успешно вести хозяйство, обрабатывать землю. Естественно, что эта категория людей не испытывала привязанности к земле, приносящей неудачу, и при первой возможности с этой землёй расставалась. (В «Тихом Доне», например, предревкома, красный казак из бедняков Мишка Кошевой, с сожалением вспоминает о том, *«каким же сукиным сыном он был всё это время, когда он рылся в земле»*.)

Третьей, и главной, опорой нового общества выступила революционная интеллигенция. Она имела мало общего с интеллектуальной элитой нации, которая в XIX веке формировалась главным образом в дворянской среде, хотя, конечно, включала в себя людей разных слоев. Революционная же интеллигенция состояла из тех, кто окончательно порвал со своими сословиями, утратив и социальную, и национальную почву. Это и был «генератор идей» революции, выбивавшей из-под ног всей страны ту основу, которой не имела сама революционная

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru